

C. 1.

Дань сибиряков, редакц. А. И. Челюш.— При-
дирение, редакц. П. Н. Пономарев.— Краткое дан-
сическое приращение у Максима Сибиряка.— «Сибирская
идеология», редакц. Н. И. Ефимов.— Очерк положе-
ния в Сибирии, редакц. П. Д. Бобровицкий.— Три русских философов
на сибирском Востоке, редакц. В. С. Сидоров.

Почти все, говоря о Чехове, распространяется об его описаниях природы: это раннее утро в Криву (восст. «адальтера»), одинокий народок вблизи Феодосии, «осветивший зарей» — открывается в памяти читателя картина в голубоватых тонах, как и в памяти героев «Крыжового романа». И когда они оба чувствуют, что они только на первом ступеньке долгой, разносторонней борьбы с жизнью (что и означает рассказ), — в читателе пробуждается мысль о стилевых качествах, дарованно соединивших в себе, безжалостно чувствующая, что жизнь — это, расхожим житейским языком, борьба. За то только, что высшая судьба слабо распространяется, стилистическое искусство для существования, так как искусство — это искусство.

Герои рассказа — двое сельских батюшек на одном приходе. Один тучен и страдает отеками ног, которые питают тенденцию болезненно обостряться всякий раз, как батюшку зовут с требованием к бедному мужику. Другой батюшка зекот и худощав, но отличается от приходами для своих спонсоров коммерческими операциями. На его почве между двумя товарищами по служению легко возникает разлад, именно когда с необходимостью требуется соединить коммерческое дело у одного батюшки и «умиленное» страдание ног у другого. Дело ухудшится еще более с областью сторон «интима», сохранением еще из спарианного училища не вполне дружеских взаимоотношений друг с другом. Все кончается жалобой к архиепископу, в сей последний не без остроумия «приваривает» два спорящих стороны ради множества дел, посвящает их в то-

«Скверная история» г. Бажина весьма многолюдна по содержанию: одна часть посвящена близкой железнодорожной конторе, балагурит и болтает, под влиянием внешнего паровоза возмущает себя железобетонный и довольно скверный паук и жевает своего товарища. Из этого следует. Это была скверная и бы-

Волгарь. Н. Новгород.

1900. 30 января. № 29.

С. 1.

дтвенный, невозмутимый ст. виду, человек: однако, кажущаяся невозмутимость в данном случае ему извинила: он взыскал и потребовал, от оскорбителя одного из двух, — или извиниться в присутствии товарищей в трехдневный срок, или выйти перед барьер. Боявшийся стрелы, познание совершилось, и хотя оскорбленный остался внутренне неудовлетворен, но тѣмъ исторія и кончилась, удивительно богатая и «вужная» намъ исторія!

Тѣмъ не менѣе, бѣдный литературный опытный Бакина вызываетъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые трудно дать весьма удовлетворительные ответы.

Что прибавляетъ, что вноситъ новаго въ нашу литературу этотъ рассказъ, расписанный «опытнымъ» рукой на 21/2, печатныхъ листа? — ровно ничего не вноситъ...

Почему же онъ напечатанъ въ журналѣ «Наблюдателя»? Потому, что журналъ имѣлъ много свободного мѣста...

Но отчего это такіе и подобныя рассказы составляютъ печальный удѣлъ вовсе не одного, сравнительно мало читаемаго, «Наблюдателя», но сплошь и рядомъ «тускло мерцаютъ» и въ другихъ даже самыхъ влиятельныхъ и широко-распространенныхъ журналахъ? — Оттого, какъ намъ кажется, что журналы уже отживаютъ свой вѣкъ и являются въ настоящее время почти излишней роскошью, въ виду массоваго накопления у насъ вновь выходящихъ книгъ. Очень понятно, что и литературный матеріалъ нашихъ журналовъ не можетъ похвастаться ни сѣежестью, ни обилиемъ.

Вотъ и «Вѣстникъ Европы» начинаетъ какъ будто дрыхнуть: этотъ въ настоящее время безукоризненный образецъ совершенной аккуратности даже запоздалъ въ нынѣшнемъ году на несколько дней со своей январской книгой. Въ остальномъ все обстоитъ попрежнему въ почтенномъ журналѣ: такъ же полны по вѣжливости его книги, такъ же новый годъ начинается почти произведениемъ маститаго П. Д. Боборыкина, къ чему пріучилъ читателя цѣлый рядъ предшествовавшихъ лѣтъ. Начавшаяся новая повѣсть почтеннаго беллетриста носитъ заглавіе: «Одной породы». Въ январской книгѣ журнала появилась первая четырнадцать главъ. Къ постели умирающаго отъ поджиги недавняго крупнаго садовника, въ его родовое помѣстье, собралась всѣ его дѣти и внуки, изъ которыхъ особенно стоитъ одна дочь, Анна. Разомедлившись лѣтъ двадцать назадъ съ отцомъ по причинѣмъ гривационнаго свойства, она съ тѣхъ поръ перенесла много ужасовъ, была подлѣ подзвѣнчивъ и въ смыслѣ, долго проходила заграничій — сначала съ единомышленникомъ-внукомъ, изъ концѣ адвокатомъ. Отецъ вспоминаетъ ее передъ смертью, потому что неосталъ вѣрить другимъ дѣтямъ, а ему необходимо было передъ смертью покончить нѣкотораго дѣла, отчасти амурнаго свойства. Дѣло въ томъ, что, несмотря на свой почти восьмидесятилѣтній возрастъ, графъ Волкинъ недавно еще, къ ужасу корректной сестры, «садилъ» почти наизусть (къ счастію, французскій) на какому-то даму, да и на одѣхъ барыню.

«на особый ладъ, поводить своимъ ртомъ любителя женщинъ» при видѣ красивой сестры милосердія. Такіе молодящіеся и до конца чувствующіе красоту старики — слабость нашего маститаго романиста, понимающаго, видимо, любовь на особый, чисто-бульварный ладъ. Такъ объ обезпеченіи этой дамы и хлопочетъ старый любитель женщинъ, дѣлая въ ея интересахъ денежное порученіе дочери въ Петербургъ.

Однако, какъ всегда у г. Боборыкина, — не въ фабулѣ дѣло, а въ его новой повѣсти, такъ какъ искать въ произведеніяхъ его художественности — онъ не пріучилъ своего читателя. Интересъ романовъ П. Д. Боборыкина всегда сосредоточивается на общественной подкладкѣ ихъ. Маститаго писателя можно сравнить не съ зирою или органомъ, а только съ сильно чувствительнымъ камертономъ, удивительно быстро улавливающимъ и задерживающимъ въ себѣ самые тонкіе звуки новыхъ общественныхъ вѣяній. Въ новой повѣсти г. Боборыкина передъ нами — печальное разожженіе старой дворянской семьи. Еще только Анна чувствуетъ иногда что то близкое въ старомъ усадебномъ дворянскомъ домѣ, въ этой бѣдной, полузабытой, обваливающейся церкви, съ родными могилками вокругъ нея. А другіе — ея замужняя сестра-книжка, братъ Модестъ, «запавшій» наживный административный постъ, племянникъ, представляющій очень корректный образчикъ патриота своего отечества въ нынѣшнемъ духѣ, — всѣ, словомъ, слѣтѣлись въ старое гнѣздо, не чувствуя къ нему ничего ровно, а лишь въ ожиданіи близкой важны. И только какъ на возможное препятствіе на этой «спеціальной» дорогѣ, они смотрятъ и на неожиданно появившуюся изъ заграницы «высочайше» Анну, которая во всемъ прочемъ ихъ вовсе не интересуется и выводитъ ихъ чужда. Новая повѣсть г. Боборыкина — отчасти литературное продолженіе «Осудили» покойнаго С. Атамы.

Не лучше обстоитъ дѣло, по послѣднимъ наблюденіямъ чужаго романиста, съ отношеніями интеллигента къ мужику. Вотъ старый пріятель Анны Волгиной, сельскій помѣщикъ Загаринъ, — старѣющій сантиментальникъ, какъ «онъ самъ себя опредѣляетъ. Увы! долгая жизнь въ деревнѣ привела этого когда то всецѣло вѣровавшаго въ мужика человека къ самымъ безотраднымъ заключеніямъ: народъ, по его словамъ, даже послѣ «голодныхъ столѣтій» тяжелого года, остался въ той-же позиціи, съ тѣмъ же камнемъ за плечомъ по отношенію къ господу. Община, артель, кустарь, — все это одинъ мужицкій обманъ, больше ничего; новая сила растетъ въ лицѣ капитала, который тридцать, много пятьдесятъ лѣтъ спустя — выкурить всеобщество жалкое мушкетерское хозяйство, да и дворянское на прахъ. Повторяетъ, г. Боборыкинъ, — необыкновенно чуткій къ новымъ вѣяніямъ писатель, слишкомъ чуткій, правда, чтобы быть самостоятельнымъ, но тѣмъ болѣе непосредственной общественной цѣлостности вѣрить его наблюденію, съ которыми при опредѣленіи современныхъ «движеній» въ обществѣ нельзя не считаться.

Въ томъ же выпускѣ «Вѣстника Европы» хороша статья Влад. С. Соловьева, одного изъ самыхъ даровитыхъ сотрудниковъ уважаемаго журнала.

Въ «трехъ характеристикахъ» Вл. Соловьевъ остроумно и прекрасно опредѣляетъ значеніе для русской философіи двухъ профессоровъ, скончавшихся въ прошломъ году, — М. И. Троицкаго и Н. Я. Грота, и третьяго, со дня смерти котораго истекло четверть вѣка въ минувшемъ году, — П. Д. Юркевича. Заслугою московскаго профессора Троицкаго было усвоеніе русской философіи и пересаживаніе къ намъ англійской психологіи съ ея отчетливыми и послѣдовательными съ скептицизмомъ, душою и основой каждой теоретической философіи. Но блеснувъ своимъ увлеченіемъ въ первомъ учебномъ трудѣ и увлекши имъ людей гораздо болѣе крупныхъ и между собою рѣзко различныхъ по убѣжденіямъ и направленію, какъ Кавелина и Страхова, — Троицкій на томъ и окончилъ и далѣе не пошелъ никуда. Тѣмъ не менѣе, первый шагъ къ серьезному философствованію въ Россіи былъ сдѣланъ именно имъ. Совершенный контрастъ къ «одному» Троицкому представилъ подвижной, многосторонній и отвлеченный, — «многодумъ», какъ его называетъ Вл. Соловьевъ, — профессоръ того же университета, рано скончавшійся Гротъ, — это была натура богатая, увлекательная и увлекающаяся. Всякое душевное движеніе проявлялось у него въ словѣ и замыслѣ, въ писаніи и общественномъ дѣйствіи. Въ своихъ философскихъ симуліяхъ онъ углублялся — восходилъ отъ мыслителей менѣе самостоятельныхъ къ болѣе глубокимъ и значительнымъ, отъ Герберта Спенсера, черезъ Джордано Бруно, къ Платону и Аристотелю. Средоточіе философіи Грота — идея эволюціоннаго процесса, то есть постепеннаго развитія души и вселенной, — въ его работахъ послѣднее десятилѣтіе постепенно приводитъ его къ понятію о вѣчномъ таинствѣ міроваго бытія къ надмірной области неизвѣстно и вѣчно сущаго.

Послѣдняя идея есть и «постоянно господствующій» взглядъ въ немногочисленныхъ работахъ и вліятельныхъ въ свое время лекціяхъ третьяго русскаго философа, кіевского, потомъ московскаго профессора Юркевича. Какъ философъ, Юркевичъ такъ же относится къ Троицкому и Гроту, какъ «созерцательная высота окончательныхъ дѣлъ и задачъ» относится къ крѣпости осознанныхъ сомнѣній и отрицаній (Троицкій) и энергіи философскаго исканія истины (Гротъ). Къ познанію объ абсолютномъ, т. е. о Божествѣ, по Юркевичу, ведутъ три пути: сердечное религиозное чувство, добросовѣстное философское размышленіе о фактѣ всякаго опыта, наконецъ истинное созерцаніе. Высшая истина, доступная человѣку, получается изъ необходимости и согласія окончательныхъ выводовъ всѣхъ трехъ путей. Любимыми и живыми воспоминаніями г. Соловьева о личности этого своеобразнаго философа.

Вѣст.
ОНИКСЪ